

Борис
Гребенщиков

•

Серебро Господа моего

Золотая серия поэзии

Борис
Гребенщиков

Серебро
Господа моего

Москва
2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г79

Разработка серии А. *Новикова*

Оформление переплета А. *Саукова*

Гребенщиков, Борис Борисович.
Г79 Серебро Господа моего / Борис Гребенщиков. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Золотая серия поэзии).

ISBN 978-5-699-84581-1

Из поэтических строк Бориса Гребенщикова складывается картина духовного поиска удивительного «беспечного русского бродяги», поэта, независимо от существующих общепринятых норм не желающего изменять представлениям о своем кредо и месте в русской культуре. И потому его стихи и песни всегда будоражат, всегда радуют и рожают лучшие качества в душе любого читателя и слушателя.

В книгу включены лучшие тексты песен, написанные за время всего творческого пути автора, в том числе из умиротворяющего альбома «А+» и тревожного, издающегося впервые, «Соль» — подлинная поэзия, которая по-настоящему открывается, когда задерживаешься на строках, вчитываешься: тогда они обретают реальную плотность и осознаннее становятся глубина и масштаб сказанного.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Гребенщиков Б.Б., 2015
© Быков Д.Л., вступительная статья, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015
ISBN 978-5-699-84581-1

ПАРТИЗАН ПОЛНОЙ ЛУНЫ

1

Поэтом называется человек, дающий современникам и потомкам оптимальные формы для выражения их мыслей, состояний и трудноуловимых ощущений. Он либо видит то, чего до него не видели, и дает это имя, — либо находит формулу для того, что все понимали давно, но по разным причинам боялись сказать.

Один из наиболее надежных (хотя не единственный) критериев оценки поэта — количество его цитат, ушедших в речь: в пословицы, чужие тексты, газетные заголовки. В России по этому параметру лидируют Грибоедов — что предсказано Пушкиным, — и Крылов: мастера стихотворного афоризма и разговорного жанра, то есть репризного поэтического диалога. Сам Пушкин как раз не в лидерах, и это естественно: он сложнее, интимнее. Прекрасно обстоят дела у Маяковского — оратора, плакатиста. Само собой, на цитаты охотней всего разбирают песню — ее воздействие тотально, она и сочиняется, и поется всенародно. Авторская песня — продолжением которой стал русский рок — в смысле цитирования и расхищения на повседневные диалоги, может смело соперничать с Грибоедовым и Маяковским. Лидирует тут Окуджава, рядом с ним — Гребенщиков, обогативший русскую литера-

турную и разговорную речь десятками цитат. Об этом парадоксе впервые сказал — а потом написал — превосходный петербургский прозаик и по совместительству историк русского рока, Александр Житинский: всем, кто сомневался в поэтическом таланте БГ, — а такие находились, — он возражал простым перечнем его цитат, превратившихся в пароли.

Поколение дворников и ночных сторожей.

Я знаю все, что есть, но разве я могу?

Я покоряю города истошным воплем идиота.

Сползает по крыше старик Козлодоев, пронырливый, как коростель.

На нашем месте в небе должна быть звезда.

Рок-н-ролл мертв, а я еще нет.

Нам всем будет лучше, когда ты уйдешь. (Последняя песня, впрочем, сделалась источником цитат на многие случаи жизни: «Твой муж был похож на бога — теперь он похож на тень. Теперь он просто не может то, что раньше ему было лень».)

Ты дерево, твое место в саду. (В армии обычно поют: «Ты дерево, твое место в строю»; по крайней мере пели в наше время.)

Они не выйдут из клетки, потому что они не хотят.

Это только наши танцы на грани весны.

Праздник урожая во дворце труда.

Возьми меня к реке, положи меня в воду. (Просьба, часто обращаемая к женам с похмелья.)

Вперед, вперед, плешивые стада (как, впрочем, и вся «Московская октябрьская»).

Моя смерть ездит в черной машине с голубым огоньком.

Восемь тысяч двести верст пустоты, а все равно нам с тобой негде ночевать.

Мама, я не могу больше пить.

Все говорят, что пить нельзя, а я говорю, что буду.

Что нам делать с пьяным матросом?! (говорится, когда кто-либо в компании опередил прочих в утрате самоконтроля).

И так далее — свой перечень любимых цитат найдется у каждого и окажется много длиннее, я привел только самое общеупотребительное, то, что давно уже выполняет в российской культуре двоякую функцию: во-первых, это система опознавания своих, пароль-отзыв, а во-вторых — наилучший способ выразить трудновыразимое. Борис Борисович за нас уже постарался.

И пусть мне скажут, что песня по природе своей массова, а потому ему легче; что каждый вкладывает в его слова собственное содержание, потому что Гребенщиков так устроен — говорить все, не сказав ничего; что его тиражирует радио, а потому его творчество как бы насаждается, тогда как настоящая поэзия остается делом маргиналов. Пусть мне все это скажут. И все эти комментарии — чаще всего завистливые — не отменяют того простого факта, что подавляющее большинство российского населения давно уже думает о себе словами Гребенщикова, объясняется в любви и ненависти словами Гребенщикова, напевает или проговаривает про себя в экстремальных ситуациях слова этого поэта. Из тех, кто работал или работает рядом с ним, соперничать с Гребенщиковым по этому параметру мог только Илья Кормильцев, — безусловно великий поэт, к которому посмертно можно применить такое определение, — да, пожалуй, Макаревич, хотя рейтинг его цитируемости несколько ниже.

Те, кого крутят по радио не в пример чаще, — не станем перечислять голимую попсу, — этому критерию не соответствуют, ибо их словами пользуются лишь в ироническом смысле, желая обозначить некий нижеплинтусный уровень. Гребенщиков — иной случай. Он умудрился высказаться за всех и про всех.

Как у него это получилось — вопрос отдельный, заслуживающий серьезного исследования, каковое, кстати, уже и предпринималось много раз. Попробуем высказать собственные догадки, касающиеся — предупредим сразу — только текстов, поскольку о музыке Гребенщикова, богатой и сложной, должны высказываться профессионалы-музыковеды, а не скромные филологи.

Все поэты делятся на две категории, обозначим их условно как «риторы» и «трансляторы». Трансляторы — Блок, Жуковский, Окуджава, — передают звук эпохи; у них нет единой интонации, они поют на разные голоса, часто меняются до неузнаваемости. У них словно нет авторской личности, которая только мешала бы расслышать музыку времени. Такого поэта можно представить себе любым — скажем, молодой романтический кудрявый Жуковский и Жуковский пожилой, с брюшком, миролюбивый, одинаково представимы в качестве авторов «Светланы» или «Эоловой арфы». Любым можно представить Блока — просто нам нравится кудрявый Блок-романтик; но и страшный Блок 1920 года, с серым волчьим лицом и потухшими глазами, вполне представим в качестве автора «Соловьиного сада» или «Седого утра». И «Снежную маску» он мог бы написать. У поэта-транслятора чаще всего есть первоклассная интуиция и, скажем, обусловленная ею способность разбираться в людях, — но чаще всего нет цельного мировоззрения; его можно любить, даже боготворить — но спросить чаще всего не о чем: он, подобно Окуджаве, ответит шуткой или спрячется за азбучные истины. Это нормально, и не надо от него требовать того, чего он не может дать.

Пример ритора, как раз обладающего мировоз-

зрением и дающего (по крайней мере для себя) ответы на вопросы, — Галич, особенно наглядный на фоне Окуджавы. Пожалуй, и главный русский поэт Пушкин, заповедавший нам традицию интеллектуальной, насыщенной мыслями повествовательной поэзии, — в большей степени ритор, чем Лермонтов, умеющий ловить божественные звуки (хотя и Лермонтов, по мысли Белинского, обещал стать незаурядным мыслителем; иное дело, что от Лермонтова мы ждем именно «звуков небес», а мыслителем он был чересчур импульсивным, зависимым от настроения, и вопросов у него больше, чем ответов; интуиция, догадки, прозрения — да, цельная философская система — нет, конечно). Риторы выработывают формулы, интонации, стили, они мгновенно узнаются — по одной строке и даже по фирменному неологизму. «Вежливейше» — это только Маяковский и никто другой. Бессмысленно сталкивать между собой риториков и трансляторов — никто не лучше, и «звуки небес» удаются транслятору далеко не всегда — когда в горних сферах наступает тишина, он транслирует белый шум. Наглядней всего эту разницу обозначил Маяковский: «У меня из десяти стихотворений пять хороших, а у него два. Но таких, как эти два, мне не написать». Сказано предельно самокритично и не вполне справедливо, ибо в иных ситуациях душе нужен именно мощный, утешительный, надежный голос Маяковского — он подхлестывает слабых, внушает твердость колеблющимся; ритор утешает в отчаянии — но сам чаще всего нуждается в таких стихах, как лермонтовские или блоковские, и тянется к этой противоположности. Риторы — Слуцкий, Бродский, поэты напряженной мысли и внятного, афористичного высказывания. Много ли афоризмов мы найдем у Блока? Чаще всего банальности, что-нибудь вроде «Он весь дитя добра и света», да и то не афоризм, а расхожая цитата для юби-

лейной статьи. «Революционный держите шаг. Неугомонный не дремлет враг» — хорошо для плаката, да и то ведь не своим голосом.

Самые интересные случаи — промежуточные, иногда маскирующиеся, неясные. БГ по природе своей — безусловно ритор, почему он и расходится с такой легкостью на цитаты и афоризмы. Припечатать он умеет не хуже Маяковского. Возьмем, однако, самый наглядный пример — классическую песню «500»:

Пятьсот песен — и нечего петь;
Небо обращается в запертую клеть.
Те же старые слова в новом шрифте.
Комический куплет для падающих в лифте.
По улицам провинции метет суховей,
Моя Родина, как свинья, жрет своих сыновей;
С неумолимостью сверхзвуковой дрели
Руки в перчатках качают колыбель.
Свечи запалены с обоих концов.
Мертвые хоронят своих мертвецов.

Хэй, кто-нибудь помнит, кто висит на кресте?
Праведников колбасит, как братву на кислоте;
Каждый раз, когда мне говорят, что мы — вместе,
Я помню — больше всего денег приносит «груз 200».
У желтой подводной лодки мумии в рубке.
Колесо смеха обнаруживает свойства мясорубки.
Патриотизм значит просто «убей иноверца».
Эта трещина проходит через мое сердце.
В мутной воде не видно концов.
Мертвые хоронят своих мертвецов.

Я чувствую себя, как негатив на свету;
Сухая ярость в сердце, вкус железа во рту,
Наше счастье изготовлено в Гонконге и Польше,
Ни одно имя не подходит нам больше;

В каждом юном бутоне часовой механизм,
Мы движемся вниз по лестнице, ведущей вниз,
Связанная птица не может быть певчей,
Падающим в лифте с каждой секундой становится
все легче.

Собаки захлебнулись от воя.
Нас учили не жить, нас учили умирать стоя.
Знаешь, в эту игру могут играть двое.

Здесь что ни строчка — то афоризм, чеканка: «Моя Родина, как свинья, жрет своих сыновей» (пусть это не ново, вспомним Синявского — «Россия — Мать, Россия — Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку, с позором — дитя!», а еще раньше Джойс — «Ирландия, как свинья, пожирает своих детей», — но важно ведь, кто и когда сказал; иногда повтор важней, концептуальней свежей, но расплывчатой или трусливой мысли). «Мы движемся вниз по лестнице, ведущей вниз». «Связанная птица не может быть певчей». Сплошь плакат, состояние зафиксировано с избыточной, убойной точностью. Но само это состояние размыто, универсально, беспричинно — непонятно, с чего автор впал в это настроение тоскливой ярости: все это могло быть сказано в любую эпоху и по любому поводу.

В этом тайна гребенщиковской универсальности. Давид Самойлов сказал об Окуджаве: «Слово Окуджавы не точно. Точно его состояние». Об этом же говорил Николай Богомолов, авторитетнейший исследователь русской поэзии вообще и авторской песни в частности: «Окуджава размывает слово, оно мерцает». Гребенщиков — случай внешне сходный, но по сути прямо противоположный: его слово прицельно точно, афористично, даже плакатно. Но состояние его размы-

то, таинственно — оно вызвано неясными причинами, бесконечно более тонкими, чем история, политика или погода. Гребенщиков точно и внятно называет то, что чувствуют все — причем в разное время и по разным поводам; Окуджава, напротив, размыто и приподнято говорит о приземленном и конкретном, и потому, слушая его, каждый чувствует себя более возвышенным, оправданным, причастившимся к высокому и универсальному. Окуджава может сказать: «Арбат, ты моя религия», а Гребенщиков скорей сказал бы: «Религия стала Арбатом» («Будешь в Москве — остерегайся говорить о святом»; «Харе-Кришна ходят строем по Арбату и Тверской»). Предельно точные слова о неточных, неклассифицируемых и неквалифицируемых, размытых состояниях — вот Гребенщиков, транслятор с повадками ратора. В этом не только тайна его притягательности, но и разгадка его творческого долголетия, производительности, самодисциплины: он не сошел с ума, не спился и не сломался во времена, когда весь российский рок — в особенности ленинградский — колбасило так, что мама не горюй. БГ — тонкая, чуткая, деликатная душа в железных латах петербургской литературной традиции, гений формы, прямой наследник обэриутов с издевательской ясностью и точностью их слова — но не забудем, что в это ясное и точное слово облечены мысли безумцев, провидцев, отчаявшихся последышей Серебряного века. Хармс и Заболоцкий блюдут рифму, облачают свои кошмары в веселенький четырехстопный хорей — «Меркнут знаки Зодиака» или «Стих Петра Яшкина», — но внутри тайна, и мы никогда не знаем истинного повода к речи, ее причины, ее *raison d'être*. Таков и Гребенщиков — предельно четко, лично и стопроцентно узнаваемо о невыразимом; и потому его слова так легко приме-

няются к любой ситуации, так легко повторяются от первого лица, что и требуется от песни.

Иногда Гребенщиков социален и фельетонно точен, как в тексте — но не в названии! — «Древнерусской тоски». Сам БГ утверждает, что позаимствовал это выражение у Лихачева, но у Лихачева такой формулы нет, и она в самом деле слишком субъективна для его научных текстов и слишком иронична — во всяком случае амбивалентна — для публицистических. Может, я просто не встречал ее в опубликованных работах Лихачева, кто знает. Все реалии предельно точны, формулы запоминаются мгновенно, — но вот состояние «древнерусской тоски» куда сложнее, беспричинней, амбивалентней. От чего эта тоска происходит, с чем связана? В том ли причина, что русская жизнь неизменна и бесперспективна, или в том, что автор с утра не опохмелился, или в том, что прекрасные российские традиции отданы на откуп чужакам? Подставьте что угодно — не ошибетесь, вот почему любой считает БГ своей собственностью и выразителем личных чувств. «Еще один раз» — песня, которую автор этих строк считает лучшим сочинением БГ, как в музыкальном, так и в поэтическом отношении, — тоже с безупречной точностью фиксирует состояние безысходности и противоречащего, противостоящего ей долга: ничего не изменится, но возвращаться нужно вновь и вновь. О чем, однако, эта вещь и откуда взялось это состояние? Неужели это опять только о России — «Над ними синева, но они никуда не взлетят»? Да нет, конечно, о человечестве в целом. А кто-то скажет, что это вообще о любви — о том, как трудно любящим вырваться из оков быта; во всяком случае я встречал такие трактовки. И каждый надевает лирическую маску героя БГ — она любому впору; проблема только в том, что за все надо платить. Как-то я

спросил Гребенщикова, не кажется ли ему, тысяча извинений, что пользоваться его чисто внешними приемами очень уж просто? Это и у него иногда доходит до автоматизма. Приходишь, например, в столовую и говоришь спутнице: «Ты можешь взять борщ, если ты хочешь взять бо-о-орщ», еще так слегка можно повибрировать голосом для внушительности. БГ без всякого раздражения ответил: да, это внешне несложно. Но ведь если говоришь, как мы, и поешь, как мы, — очень скоро начинаешь жить, как мы, а всякий ли это выдержит?

Резонное замечание.

3

Когда-то выше всех песен БГ, написанных в смутные восьмидесятые, после периода светлого абсурда, который после «Треугольника» и «Детей Декабря» стал прочно ассоциироваться с «Аквариумом», — я ценил «Партизан Полной Луны», и БГ, кажется, это одобрял. Он сам любит эту вещь. Почему этот автор называет себя партизаном полной луны? Потому что, насколько я могу судить, глубоко презирает всяческую подпольность, заигрывания с подсознанием, попытки со взломом проникнуть туда, куда надо входить со своим ключом. Отсюда — отказ от саморастраты, наркомании, черной энергии самоуничтожения, с которой рок так часто заигрывает; для БГ всегда было важно жить дольше и плодотворней, а если уж умирать, то в случае крайней необходимости, и лучше бы воздержаться от этой практики как можно дольше. Некоторые рокеры — не станем называть их имен — называли лирику БГ «Фонтаном фальшивого света». Бог им судья. «Аквариум» — в самом деле явление светлое, но не потому, что песни Гребенщикова оптимистичны

или полны любви. Они амбивалентны, и нет никакого противоречия между «Ну-ка мечи стаканы на стол» и «Мама, я не могу больше пить». Сходство здесь в том, что состояние — то или другое — артикулируется с абсолютной точностью, с безупречным владением всем формальным арсеналом русского стиха.

Песни Гребенщикова потому и могут существовать без музыкальной основы, в качестве чистой лирики, что в них соблюдены главные требования к поэтическому тексту: плотность стихового ряда, свежесть сравнений, интонационная заразительность, мнемоничность, сиречь запоминаемость, и элегантная, без вычур, рифмовка. Как поэт БГ ориентировался на Дилана, а в русской традиции, пожалуй, на уже упомянутого Заболоцкого, сочетающего внешнюю простоту с загадочностью и даже таинственностью. Самый прямой продолжатель Заболоцкого в этом смысле — Юрий Кузнецов, блестящий, трагический и часто очень противный русский поэт первого ряда; о сходстве между Кузнецовым и Гребенщиковым не писал еще, насколько я знаю, никто, — но сравните текст БГ «Волки и вороны» с любым стихотворением Кузнецова на фольклорную тему. Россия Кузнецова — страна мрачная, но штука в том, что это страна волшебная.

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком, —
Одно уплывает, одно засыхает...
А ветер гудит и тоску нагоняет.
Что вечного нету — что чистого нету.
Пошел я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко...
И поле широко, и небо высоко.